

Заместитель, придерживая руку на кобуре у пояса, быстрыми шагами направился к Лансу и Чжань Пинчуаню. Он окинул их пронзительным, изучающим взглядом и ледяным тоном осведомился:

— Из какого вы района?

Ланс в ответ тоже принялся рассматривать собеседника. Судя по возрасту и форме, этот человек стоял на одной ступени с Кловой и Боласом — должно быть, он занимал видное положение в иерархии «Синего Центра». Раз они находились на территории второго района, то перед ними, вероятно, был прямой подчиненный Сы Хунчэ.

— Мы новые стажеры. Учитель Роберт поручил нам доставить еду во второй район, — спокойным и смиренным голосом ответил Ланс.

Офицер, решив, что парень не лжет, недовольно нахмурился и пробормотал себе под нос:

— Эти люди... вечно от них одни проблемы. Как они вообще посмели заказать обеды на седьмой этаж именно сегодня?

Продолжая ворчать, он вытащил телефон и набрал номер Роберта. Несмотря на то что объяснение юноши звучало правдоподобно, многолетняя привычка заставляла его проявлять предельную бдительность. Тот ответил почти сразу.

— Ты прислал стажеров из Синда доставить еду в наш второй район? — резко спросил заместитель.

— Э-э... ну... да, — послышалось на том конце.

Офицер глубоко вздохнул и уточнил еще раз:

— И ты отправил сразу двоих?

Он знал, что внутри «Синего Центра» процветает круговая порука: старички помыкают новичками, а выпускники одних вузов задирают других. Сваливать самую грязную и тяжелую работу на того, у кого меньше всего связей, давно стало негласным правилом. Но во всем должны быть границы. Заставлять двух чемпионов Кубка вызова разносить обеды — это уже слишком. Если слухи поползут за пределы здания, всё будет выглядеть так, будто «Синий Центр» целенаправленно издевается над студентами.

— Не двоих, а одного, — сухо поправил Роберт. — Второй — его парень. Он прогулял смену и

увязался следом. Я как раз собирался впаять ему карцер в назидание.

На самом деле Роберт и сам начал сомневаться в правильности своего решения. Он не понимал, что на него нашло вчера, когда он действительно отправил стажера во второй район. Обычно он не позволял себе так злоупотреблять властью.

— Ясно, — отрезал заместитель и прекратил разговор.

Хотя он не одобрял поступка коллеги, спорить с офицером из первого района на глазах у стажеров он не стал — это лишь дало бы студентам повод почувствовать себя несправедливо обиженными. Мужчина убрал руку с пистолета и снова посмотрел на парочку:

— Итак, кто из вас отвечает за доставку, а кто пришел просто так?

На этот раз первым отозвался Чжань Пинчуань. Его губы тронула легкая улыбка, а голос звучал тепло, как весенний бриз:

— Офицер, я тот самый, кто просто так.

Брови заместителя взлетели вверх, лицо потемнело от гнева, а костяшки пальцев хрустнули так громко, что звук эхом отразился от стен.

— Кто позволил тебе самовольно нарушать приказы и покидать пост?!

Его голос был полон ярости, но говорил он нарочито тихо, словно боясь кого-то потревожить. Старший господин гильдии Глаз Демона же, словно обладая бесконечной заторможенностью, совершенно не заметил ни опасений, ни гнева. Напротив, он прибавил громкости и лениво усмехнулся:

— Офицер, вы даже не представляете, какая тяжелая эта тележка. Неужели у вас самого поднялась бы рука заставить своего очаровательного, такого хрупкого и милого соседа так надрывать?

Низкий, магнетический голос Пинчуаня обладал поразительной пробивной силой, а поскольку он говорил намеренно громко, по всему коридору разнеслось отчетливое эхо. Лицо заместителя мгновенно изменилось. Плечи его дрогнули, а из каждой поры начал проступать нервный пот. Он испуганно скосил глаза на дверь позади себя, тут же отвернулся и прошипел, едва сдерживая ярость:

— Заткнись! Немедленно убирайся отсюда!

Однако голос Чжань Пинчуаня уже достиг того, кого заместитель так отчаянно пытался не

тревожить. Из комнаты в самом конце коридора, наиболее удаленной от лифта, донесся холодный, пропитанный гневом приказ:

— Пусть доставляет он.

Офицер тут же смолк и испепелил парня взглядом.

— Сразу видно, что этот коллега понимает, как нелегко приходится нам, одиноким Альфам, — Чжань Пинчуань, толкая тележку мимо замершего мужчины, вытянул шею и крикнул в сторону комнаты: — Спасибо, дружище!

Как только двери лифта открылись, к юноше начали возвращаться старые воспоминания. Хотя внутренняя планировка «Синего Центра» сильно изменилась за эти годы и пережила несколько ремонтов, вид на свинцовые тучи за панорамным окном показался ему до боли знакомым. В то же время он почувствовал присутствие огромного количества колючих сетей цунци. В этом пространстве его информационная эссенция была подавлена, и источник этой сдерживающей силы концентрировался в одном месте — в комнате, где держали Оливера.

Судя по переменчивому лицу заместителя и его приглушенному голосу, Сы Хунчэ, скорее всего, находился именно в том карцере. О том, что там происходит, Чжань Пинчуань мог догадаться и без подсказок. Вряд ли у начальника района внезапно проснулась совесть и он зашел туда, чтобы помыть полы или постирать белье. Но в своем нынешнем статусе Пинчуань не мог открыто подстрекать Оливера к побегу, поэтому ему оставалось лишь подпортить Сы Хунчэ настроение.

Лицо заместителя исказилось от ярости. Он медленно отступил, освобождая дорогу, и беззвучно проартикулировал два слова:

— Тебе конец.

В такой особенный день даже он тщательно подбирал каждое слово, а Чжань Пинчуань раз за разом наступал на самые болезненные мозоли высокого начальства. Этот парень явно решил, что пожил на свете слишком долго.

Ланс уже начал жалеть, что позволил своему «маленькому идиоту» подняться с ним на седьмой этаж. Тот по натуре был слишком свободолюбив и безрассуден; столкнувшись с властью, он непременно горел желанием испытать её на прочность — типичное поведение новорожденного теленка, не знающего страха перед тигром. У него не было скверной привычки S-ранговых притеснять слабых, но зато имелась вся подобающая гордость и самоуверенность.

Будь они сейчас в Обществе Чёрного Фонаря или в гильдии Высокая Башня, Ланс бы просто притянул этого наглеца к себе, нежно приподнял за подбородок и, целуя в уголок губ или в область железы, поощрил бы его и дальше оставаться таким же гордым тигром. Но сейчас они

были в «Синем Центре», перед Сы Хунчэ, и за подобную дерзость здесь приходилось платить по-настоящему.

В карцере царил полный хаос. Оливер сжался в комок на краю кровати, прикрывая обнаженное тело форменной кожаной курткой. Его ноги, не прикрытые одеждой, были усеяны багровыми следами пальцев и синяками от ударов — немые свидетельства грубости того, кто это сделал.

Воздух в комнате был пропитан тяжелой смесью запахов: медью крови, ароматом оливковой информационной эссенции и едва уловимым, приторным запахом цветущего каштана, остающимся после близости. И при этом — ни капли информационной эссенции Альфы. Это означало, что Омега, перенесший всё это, не получил от своего мучителя ни малейшего утешения.

Тело Оливера всё еще сотрясала неконтролируемая дрожь. Хотя его разум давно оцепенел, боль не желала исчезать, а колоссальная пустота, оставшаяся после насильственной метки, заставляла его подсознательно жаждать объятий и ласки. Однако ни силы, ни остатки рассудка не позволяли ему молить Сы Хунчэ о жалости.

Оливковые феромоны метались по тесному пространству, тщетно ища привычный аромат Альфы. Эта тревога передавалась самому Оливеру, заставляя его тереться железой о кожаную куртку, пытаясь выудить из неё хоть каплю чужого запаха, чтобы унять муку.

Сы Хунчэ обхватил его сзади за тонкую, незащитную шею и безжалостно надавил на воспаленную, только что помеченную железу. Он склонился к самому уху Оливера и жестоко усмехнулся:

— Слышишь? Знаешь, я ведь когда-то тоже произносил подобные нелепости.

«Потому что я не вынесу твоих страданий, я сделаю всё ради тебя, лишь бы ты оставался вечно юным и жизнерадостным».

Оливер издал сдавленный всхлип, слезы потекли из его пустых, расфокусированных глаз, исчезая в спутанных золотых волосах.

— ...Ты... если ты сделаешь это... Суйсуй... испугается.

Ему и так было трудно говорить, а сейчас, с охрипшим горлом, каждое слово давалось ценой колоссального напряжения всех сил. Стоило Сы Хунчэ услышать имя сестры, как его глаза налились кровью, а пальцы на шее Оливера сжались еще крепче:

— Ты еще смеешь упоминать её? Больше всего на свете она испугалась в ту ночь, когда твой

брат осквернил и погубил её!

— Нет...

— Ну как, нравится быть изнасилованным? Больно? Страшно? Мне стоит записать тебя в таком виде и показать Уриэлю, чтобы он знал, какую цену ты платишь за его бегство.

— Я...

— Впрочем, если бы он действительно дорожил тобой, он бы не стал восемнадцать лет спасать свою шкуру, бросив тебя на растерзание, — Сы Хунчэ с садистским удовольствием ударил по самой больной ране Омеги.

Пальцы Оливера, судорожно сжимавшие простыню, наконец бессильно разжались. Дрожь в теле начала утихать. Ни ответа, ни сопротивления — лицо пленника начало багроветь от прилива крови, губы посинели, а вены на висках вздулись.

Сы Хунчэ мгновенно очнулся от пелены гнева и резко разжал руки. Информационная эссенция с ароматом агавы наконец хлынула из него, устремляясь к едва дышащему Омеге. Лишь спустя долгое время Оливер тяжело закашлялся, его тело дернулось в конвульсии, и дыхание с трудом восстановилось.

Начальник района, еще не придя в себя от испуга, крепко сжал дрожащую правую руку и с ненавистью прошипел:

— Суйсуй была очень доброй и любила тебя. Возможно, она бы тебя простила, но я — никогда. Ты не имеешь права сдохнуть. Каждый год в день её смерти ты будешь страдать в сотни раз сильнее, чем она!

После этих слов веки Оливера едва заметно дрогнули. В его израненном сердце на миг шевельнулось нечто похожее на нежность.

«Суйсуй, покойся с миром».

Сы Хунчэ бросил куртку на пол и вышел. Колючие сети цунци снова с глухим лязгом сомкнулись, погружая карцер в кромешную тьму.

— Начальник! — поспешно поприветствовал его заместитель.

Сы Хунчэ вытирал с кончиков пальцев следы влаги и крови, бросая мрачный взгляд на спокойного Ланса и развязного Чжань Пинчуаня. Каждый раз, видя этих двоих — студентов, соседей по комнате, молодых, полных жизни и неразлучных — он не мог сдержать приступа

отвращения. Это было слишком похоже на его прошлое, слишком иронично.

Закончив вытирать руки, Сы Хунчэ перевел взгляд на Чжань Пинчуаня. Его голос прозвучал с непререкаемой властью:

— Раз уж ты у нас такой любящий, отправляйся в пятый район. Получишь двадцать плетей и проведешь сутки в карцере.

Отдав приказ, он даже не стал дожидаться реакции. Он вел себя так, словно раздавил незначительное насекомое, и направился в сторону уборной на седьмом этаже.

Ланс проводил начальника взглядом, и в глубине его глаз вспыхнуло убийственное намерение. Он сам не позволял себе и пальцем тронуть этого «маленького идиота», так кто такой этот Сы Хунчэ, чтобы распоряжаться им? Однако кругом были камеры, и юноша быстро спрятал свои чувства. Он с тревогой посмотрел на Пинчуаня, его янтарные глаза подернулись влагой:

— Студент Чжань...

Чжань Пинчуань лишь вскинул бровь. Двадцать плетей его совершенно не пугали. Во-первых, он был S-ранговым, и его физические показатели намного превосходили человеческие — такая рана была для него пустяком. Во-вторых, у него была ампула с высококонцентрированной информационной эссенцией Чу Фу; стоило капнуть совсем немного, и любое повреждение затянулось бы мгновенно.

Но, глядя на Ланса, который, казалось, вот-вот расплатится, юноша решил не использовать лекарство.

— Не бойся, — он легонько подцепил кончики рыжих волос партнера и заботливо прошептал: — Если тебе так жаль меня, загляни вечером в мою комнату. Поплачешь только для своего «братика».

Ланс: «...» Большой придурок.

Заместитель холодно усмехнулся:

— Ишь, еще скалится. Вот отведаешь плети — сразу притихнешь. За мной!

Не говоря больше ни слова, он затолкал Чжань Пинчуаня в лифт и нажал кнопку десятого этажа. Пинчуань считал, что его сегодняшняя задача выполнена: он исключил возможность проникновения на подземный уровень через лифт, изучил различия в конструкции трех корпусов «Синего Центра», прощупал местный стиль работы и подтвердил местонахождение старого друга.

Оставалось только гадать, помог ли Оливеру его громкий окрик. Сы Хунчэ сорвался на нем во многом из-за тех слов, полных двусмысленности. Чжань Пинчуань до сих пор помнил взгляд начальника района из видеозаписей, которые показывал ему Ланс.

Прошло четырнадцать лет. Пинчуань не представлял, какая сила воли позволяла Оливеру всё это время цепляться за жизнь. Если в событиях тех лет действительно крылась какая-то тайна, то как Сы Хунчэ посмотрит правде в глаза, когда она вскрыется? Как он оправдает годы своей жестокости?

Все-таки в жизни нужно оставлять путь к отступлению, иначе груз ошибок станет настолько тяжелым, что повернуть назад будет невозможно.

Ланс остался на седьмом этаже один, провожая взглядом лифт, в котором скрылся улыбающийся и машущий ему рукой Чжань Пинчуань. Он быстро отвел глаза и уставился на тележку с последними контейнерами. Над одним из них он поработал, пока напарник не видел.

Юноша медленно покати́л тележку вперед. Чем дальше он шел, тем сильнее ощущался запах недавнего хаоса. Не нужно было даже гадать, что произошло в той комнате. Он остановился у двери карцера, оплетенной цунцзи. Внутри стояла гробовая тишина, не было слышно ни звука.

Из наушника раздался осторожный шепот Безумного Клоуна:

— Ты видишь его?

Ланс не ответил. Сквозь переплетения колючей сети он видел лишь разорванную пижаму, брошенную на пол. Он понимал: этого человека нужно спасти немедленно, иначе его дух просто не позволит телу жить дальше.

Голос Клоуна звучал всё более нетерпеливо:

— Я могу закинуть на него свой якорь? Вечером я его просто вытяну.

Ланс тяжело выдохнул — этот звук служил сигналом отрицания. Он чувствовал: как только он приблизился к этим дверям, все его способности оказались заблокированы. Якорь Клоуна просто не пройдет сквозь этот барьер.

— Черт, и как ты собираешься с ним связаться? — проворчал Клоун.

Ланс достал контейнер с едой и присел. Наконец у самого пола, под плетью цунцзи, он нашел узкую щель, в которую едва могла протиснуться коробка с обедом. Оливер только что перенес издевательства Сы Хунчэ и сейчас наверняка не захочет реагировать на внешний мир. Но если оставить этот обед без внимания, если его просто заберут позже, Ланс никогда не сможет установить контакт.

Он медленно подтолкнул коробку в щель. Контейнер с тихим шорохом скользнул по полу, пальцы Маленького господина коснулись воздуха внутри карцера, и кончики их скрылись в тени. Внезапно Ланс сузил свои лисьи глаза и, вместо того чтобы убрать руку, резко протащил её по острым волокнам колючей сети.

— А-а! — вскрикнул он от боли.

Кожа на тыльной стороне ладони оказалась содрана, и капли крови потекли по пальцам.

— Что это за дрянь такая, больно-то как!

Ланс втайне проклинал Сы Хунчэ. Этот шизофреник установил цунцзи, но зачем-то сгладил их края; парню пришлось приложить немало усилий, чтобы не промахнуться и действительно пораниться.

Из комнаты действительно донеслось слабое движение. Тихий, бесконечно усталый голос неуверенно спросил:

— Вы... вы поранились?

<http://bllate.org/book/15867/1443347>